

Параметрический зондаж дивергентно-конвергентных процессов в истории лексики

С целью количественной оценки степени лексической дивергенции восточнославянских языков, три фрагмента из киевской летописи начала XII в. *Повесть временных лет* (древнерусский язык) и три статьи из *Статута Великого княжества Литовского* (старобелорусский / староукраинский язык; типографское издание 1588 г. в Вильне) сопоставлены с их переводами на современные восточнославянские языки. Показано, что дивергенция родственных языков с течением времени усиливается, поэтому, в частности, современные эквивалентные восточнославянские переводы фрагментов летописи лексически ближе к первоисточникам XII в. и между собой, чем переводы статей Статута по отношению к первоисточникам 1588 г. и друг к другу. Из трех языков наиболее близки друг другу лексически белорусский и украинский; от них значительно отстоят пары «белорусский – русский» и «украинский – русский».

Ключевые слова: *Повесть временных лет XII в.*, *Статут Великого княжества Литовского 1588 г.*, древнерусский язык, старобелорусский (староукраинский) язык, церковнославянизмы, полонизмы

Parametric Probing of Divergent-Convergent Processes in the History of Vocabulary

In order to quantify the degree of lexical divergence of the East Slavic languages, three fragments from the Kyiv chronicle of the early 12th-century *The Tale of Bygone Years* (Old Russian language) and three articles from the *Statute of the Grand Duchy of Lithuania* (Old Belarusian / Old Ukrainian language; printed edition of 1588 in Vilna) are compared with translations into modern East Slavic languages. It is shown that the divergence of related languages increases over time; therefore, in particular, modern equivalent East Slavic translations of the chronicle fragments are lexically closer to the original sources of the 12th century and to each other than are the translations of the articles of the Statute in relation to the original sources of 1588 and to each other. Of the three languages, Belarusian and Ukrainian are lexically closest to each other; by comparison, the pairs “Belarusian – Russian” and “Ukrainian – Russian” are at a much greater distance.

Keywords: *Tale of Bygone Years* of the 12th century, *Statute of the Grand Duchy of Lithuania* 1588, Old Russian language, Old Belarusian (Old Ukrainian) language, Church Slavonicisms, Polonisms

1. Аспекты параметрического зондирования в диахронии

В предлагаемой статье исследуются познавательные возможности в диахроническом языкознании одного из экспресс-методов, для характеристики которого важна семантика слов *зондаж*, *зондирование* (‘предварительное и осторожное исследование’) и *параметр* (‘свойство объекта или системы, которое

можно измерить’). К экспресс-методам в познании обращаются для быстрого формирования предварительного, но целостного представления о изучаемом объекте, которое ориентировано на суть дела и допускает аппроксимирующие результаты. Экспресс-исследования проводятся на ограниченном материале и оперируют дискретными признаками, что побуждает использовать количественные оценки или находить им параметрические корреляты.

1.1. Объекты и единицы параметрического исследования в истории лексики

Для параметрического зондирования требуются некоторые специальные условия, а именно: 1) наличие эквивалентных текстов на разных языках или эквивалентных текстов одного языка, принадлежащих разным синхронным срезам в его диахронии; 2) ограниченный размер исследуемых текстов; 3) максимальная тщательность в сопоставлении эквивалентных текстов (с трудом достижимая для больших текстовых массивов).

Параметрические сведения в истории лексики необходимы прежде всего как фактографическое, конкретизирующее и экземплифицирующее подтверждение реальности появления новых слов и значений. Параметрические данные позволяют судить о векторах, силе и интенсивности лексического влияния разных языков, участвующих в дивергентно-конвергентных процессах в конкретных ареалах.

Параметрическое сопоставление эквивалентных текстов в диахронических исследованиях может проводиться с разными задачами – например, для выявления различий в количестве новых лексем, появившихся за то или иное время; различий между эквивалентными текстами в количествах слов разных частей речи и/или разных ономаσιологических разрядов; в соотношении исконных и заимствованных лексем в языке (или языках) в определенный период или в определенной жанрово-стилистической разновидности текстов; различий в составе заимствований (в разных языках) слов разного происхождения и др. При этом в современной лексикологии практически обязательным становится учет употребительности (частотности) слов, что предполагает различение лексем и словоупотреблений (словоформ, аллолекс), учет места (ранга) лексем в частотном словаре общего языка, а также тех или иных его вариантов. Ранги лексем в частотном словаре позволяют видеть различия между лексемами по показателю накопленных частот и степени покрываемости текста.

К параметрическим аспектам исторической лексикологии относятся также данные о продолжительности и интенсивности контактирования языков; о плотности населения в том или ином ареале; о характере поселений и географической близости разноязычного населения. При этом сразу же приходится принимать во внимание и непараметрические внеязыковые факторы: различия хозяйственных укладов и верований, как и меру конфликтности контакта – каким он был по преимуществу: соседским, торговым или военным.

О востребованности в исторической лексикологии количественных данных свидетельствует распространенность неопределенно-количественных оценок и характеристик изучаемой реальности – с помощью аппроксимальных слов и оборотов *много/мало, большинство, больше/меньше, часто/редко, иногда, как правило, типично, характерно* и т.п. (иногда в соединении с путативными предикатами и показателями модальности предположения или допущения: *естественно думать, что...; можно допустить, что преобладали... и т. п.*).

1.2. Эквивалентные переводы

Такие переводы создаются со стремлением к максимальному семантическому тождеству с первоисточником. В религиях Писания это прежде богослужебные книги и книги религиозного канона. Современные эквивалентные тексты – это экспертные (“академические”) переводы литературно-исторических памятников (в отличие от переводов объяснительных, художественных, адаптированных и др.); это документы международного права и межгосударственных договоров; в их преамбулах или в финале нередко записаны слова о идентичности и равной юридической силе языковых версий документа, и ни одна из версий не считается его первоисточником.¹

К эквивалентным текстам правомерно относить словники двуязычных словарей² и разговорники, а также многоязычные инструкции для покупателей сложной бытовой техники или лекарств. Эквивалентные переводы могут создаваться специально, обычно в исследовательских и учебных целях. В машинных корпусах некоторых национальных языков на основе имеющихся переводов создаются так называемые “параллельные корпуса” текстов на разных языках, но обычные переводы, на которых основаны параллельные корпуса, недостаточно точны в передаче содержания первоисточника и потому не рассматриваются как эквивалентные.

Разумеется, эквивалентные тексты – это всего лишь капля в море источников по истории лексики и языковых контактов, однако исследование эквивалентных текстов результативно. Их можно сравнить с минимальными парами слов в фонологии: это “чистые” оппозиции (в терминах Н.С. Трубецкого), они выделяют самостоятельную значимость наблюдаемых различий.

¹ Ср. в «Конвенции об охране нематериального культурного наследия», разработанной ЮНЕСКО и принятой в 2003 г.: «Статья 39 – Аутентичность текстов: Настоящая Конвенция составлена на английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском языках, причем все шесть текстов являются равно аутентичными» (в сети).

² Об одном опыте исследования русско-немецкого словника: оказалось, что в составе немецкой общеупотребительной лексики почти в два раза меньше заимствований (без учета калек), чем в русской (Мечковская 2020: 218–219). Эта оценка была получена на материале русско-немецкого раздела небольшого словаря («для школьников и студентов») со словником по 9 тыс. пар переводных соответствий (Гиниатуллин, Пирогов 2010). Подсчеты количества заимствованных и исконных слов в трех выборках по 10–13 страниц и экстраполяция полученных цифр на весь объем русско-немецкого раздела словаря показали, что в русском словнике примерно 2188 заимствований (т. е. 24,3% от 9000), в то время как в немецком заимствований примерно 1118 (12,4%).

1.3. Языковой материал данного исследования

Первоисточниками эквивалентных переводов стали два выдающихся произведения, вошедшие в историю мировой культуры: Начальная летопись Киевской Руси «Повесть временных лет», написанная на древнерусском языке (праязыке восточных славян) монахом Киево-Печерского монастыря Нестором в 1113 г., и Статут Великого княжества Литовского, а именно, его третья редакция, ставшая первым типографским изданием Статута (Вильна, 1588). Исследуются три летописных фрагмента – о предсказании волхвов о смерти князя Игоря от своего коня, о крещении княгини Ольги и о первых походах князя Святослава. Эти повествования широко известны и доступны на древнерусском и в переводах, как в книжных, так и в сетевых изданиях. В данной работе летописные фрагменты ПВЛ анализируются по изданию летописи в первом томе в «Памятниках ЛДР» (см. ПВЛ). Их совокупная длина 773 словоупотребления.

В качестве эквивалентного перевода летописных фрагментов на современный русский язык рассматривался перевод Д.С. Лихачева, опубликованный в том же издании. На переводе Лихачева основаны белорусский и украинский переводы, выполненные автором статьи с учетом переводных версий, полученных с помощью онлайн-сервисов “Google Translate” и “DeepL”. Таким образом, текстовый материал исследования лексики ПВЛ составили три летописных фрагмента, для каждого из которых имелось по 4 эквивалентных версии: исходная на древнерусском и три перевода на современные восточнославянские языки (всего 12 текстов).

“Статут Великого княжества Литовского” написан на языке, который в XVI–XVII вв. горожане называли “*проста мова*” (в отличие от языка “словенского”, т. е. церковнославянского). “Проста мова” была языком закона и судов, великокняжеской канцелярии, городского самоуправления. В самом Статуте (в редакциях 1566 и 1588 гг.) этот язык назван *руским*; специальная статья Статута узаконивала его в качестве официально-делового языка ВКЛ: «*А писар земский маеть по-руску литерами и словы рускими вси листы, выписы и позвы писати, а не инимм езиком и словы*» (Статут: 140).³ Белорусские историки языка называют “*просту мову*” письменным *старобелорусским* языком, украинские – *староукраинским*. Это был

³ В издании 1998 г. это установление переведено следующим образом: «*А писарь земский должен по-русски буквами и словами рускими все документы, выписки и позвы писати, а не иным языком и словами*» (Статут: 374), что неточно: *листы* – это не *документы*, но *грамоты* (‘законодательные акты’); ст.-бел. словам *выписы* и *позвы* в переводе должно соответствовать ‘выписки и вызовы’; лексема *словы* (Тв.п. мн.ч.) в оригинале дублирует (для лучшего читательского понимания) лексему *литерами* [т. е. ‘буквами’]. Значение ‘буква, литера’ у лексемы *слово* в церковнославянской книжности XVI–XVII вв. было вполне узуальным и сохранилось в ряде историзмов, связанных с типографским ремеслом: *словолитный* ‘относящийся к отливке из металла типографских букв и знаков’, *словолитня* ‘словолитная мастерская’, *словолитчик* ‘рабочий словолитного производства’ (ССРЛЯ, 13: 1239–1240). Предписание *писати словы рускими* – значит ‘писать буквами рускими (т. е. кириллическими)’. Вопрос о выборе алфавита в ВКЛ был постоянным, поскольку рядом сосуществовали письменность и типография как на кириллице, так и на латинке; латинская графика использовалась при обращении прежде всего к польскому и латинскому языкам, но иногда также и в письме на старобелорусском.

общий письменный язык Княжества, в состав которого входили белорусские и украинские земли, граничившие на юге с крымскими татарами.

Подготовкой Статута 1588 г. руководил Лев Сапега, подканцлер ВКЛ (третья должность в государственной иерархии после великого князя); он же финансировал издание. Это издание было дважды воспроизведено (в 1592–1593 гг. и около 1600 г.) с выходной датой «1588». В 1614 г., 1619 г. и около 1623 г. (с датой «1619») Леонтий Мамонич издал Статут в Вильне на польском языке. В 1648 г. Статут на польском языке был напечатан в Варшаве; новые издания на польском выходили в Вильне в 1693, 1744, 1786, 1819 гг.

После разделов Речи Посполитой и включения части земель ВКЛ в состав Российской империи возникла потребность в русском переводе Статута, поскольку он оставался сводом актуальных законов, причем в ряде белорусских губерний – до 1840-х гг. Работа над подготовкой русского издания Статута велась в Санкт-Петербурге под наблюдением обер-прокурора Правительствующего Сената (как высшей государственной и юридической инстанции России). В 1811 г. Статут был издан в Петербурге в переводе на польский и русский языки.

С середины XIX в. переводы-редакции Статута исследуются как памятники истории права, культуры и языка. В 1989 г. вышло в свет минское издание Статута 1588 г. (Шамякин (рэд.). 1989), в котором представлен оригинальный старопечатный текст (в фотоснимках с уменьшением в 0,6), при этом под каждым снимком дан его адаптированный печатный текст с раскрытием титл и в современной шрифтовой гарнитуре. На каждой странице издания ниже старобелорусского текста помещен его русский перевод, выполненный историками права «на основе адаптированного текста», как сказано во введении «Да чытача».

В данном исследовании рассмотрены три статьи Статута из его разных разделов.

I. Статья 46 (из раздела 3), заглавием которой служит ее первое предложение: «Мы, господар,⁴ шлюбуем однакую справедливость чинити всим, а *пересуду*⁵ мы и *панове рады*⁶ наши брати не мають, и о том же о почтивость мы сами, господар, судити маем» [‘Мы, господин, клянемся одинаковую справедливость проявлять ко всем, а *пересуду* мы и *панове-рады* наши брать не должны, и о том о же о чести мы сами, господин, судить обязаны’]. Далее эта статья обозначается как «Клятва». В издании Статута 1989 г. фотоснимок старопечатного текста статьи и его адаптированная транслитерация даны на с. 136; русский “юридический” перевод – на с. 373).

⁴ Обращение законодателей-составителей Статута к великому князю.

⁵ “*Перасуд* – плата судзі і падсудку за разгляд пэўнай грамадзянскай справы” (Энцыклапедычны даведнік 1989: 514). Здесь и далее при цитировании Статута юридические термины-историзмы выделяются курсивом; при семантизации текстовых фрагментов старобелорусские термины не заменяются современным термином или аналогом. Курсивом даны также нетерминологические фраземы (напр., *белая голова* ‘женщина’).

⁶ *Паны-рады* – Рада ВКЛ (высший орган государственной власти).

II. Статья 23 (из раздела 11) «О неумышленном а пригодном мужобойстве» [‘О неумышленном и случайном убийстве’] (Статут: 289; 431).

III. Статья 31 (из раздела 14) «О каранью сводниц» [‘О наказании сводней’] (Статут: 345; 453-454). В третьем разделе данной работы, для более полного представления языкового материала исследования, статья «О наказании сводней», а также ее переводы на современные восточнославянские языки приводятся целиком. Суммарная длина трех статей – 483 словоупотребления.

Переводы статей Статута на современные восточнославянские языки выполнены автором данного исследования; в переводах были учтены их переводные версии, полученные с помощью онлайн-сервисов “Google Translate” и “DeepL”. Опора на перевод историков-юристов представлялась рискованной, поскольку многие слова, достаточно понятные историку, в издании не переводились (например, *артикул* (‘*статья*’), *сам-треть* (‘*второе*’), *урад / вряд* (‘*служба, власть*’), *чинить* (‘*создавать, организовывать*’) или получали не вполне узуальные современные переводы: *повелеваем, жили почтительно, те особы, учинить присягу* и др., хотя в современном узусе им больше соответствуют **слова приказываем, жили честно, эти лица, привести к присяге**. Текстовый материал исследования лексики Статута составили три его статьи, для каждой из которых имелось по 4 эквивалентных версии: исходная на старобелорусском и три перевода на современные восточнославянские языки (всего 12 текстов).

1.4. Методика зондирующего исследования

Основная исследовательская процедура состояла в следующем. Три исходных фрагмента из ПВЛ на древнерусском языке и три статьи из Статута на старобелорусском сопоставлялись с их современными эквивалентными переводами на трех восточнославянских языках (в совокупности это по 9 сопоставлений фрагментов каждого памятника); затем каждый отдельный современный перевод (летописного фрагмента или статьи Статута) был сопоставлен с двумя другими современными восточнославянскими переводами этих же первоисточников (еще по 3 сопоставления для каждого памятника). В совокупности проведено по 12 сопоставлений эквивалентных фрагментов (статей), относящихся к двум памятникам. В ходе сопоставления эквивалентных переводов все лексические различия между ними записывались и подсчитывались. Учитывая значимость в современной лексикологии данных об употребительности лексических единиц (см. выше, 1.1.), подсчитывалось число не разных слов (лексем), но количество словоупотреблений всех знаменательных лексем.

В результате были получены четыре группы данных о составе и количестве лексических расхождений между эквивалентными текстами в следующих парах текстов: 1) три современных восточнославянских перевода по отношению к древнерусской летописи начала XII в.; 2) три современных восточнославянских перевода по отношению к старобелорусским статьям из Статута ВКЛ (XVI в.); 3) три пары современных восточнославянских текстов, которые представляют

собой эквивалентные переводы одних и тех же древнерусских источников; 4) три пары современных восточнославянских текстов, которые представляют собой эквивалентные переводы одних и тех же статей Статута ВКЛ.

Полученные группы количественных данных были систематизированы в ряде таблиц и прокомментированы по ходу изложения (разделы 2 и 3). Наиболее значительные результаты исследования сформулированы в разделе 4.

1.5. Словоупотребления, различающие восточнославянские эквивалентные тексты

В силу ближайшего родства исследуемых языков, решить, какое переводное соответствие является только вариантом рассматриваемого слова, а какое – другой лексемой, дифференцирующей языки, порой непросто, и здесь двойственные и спорные случаи неизбежны. К лексемам, дифференцирующим эквивалентные переводы, были отнесены слова (словоформы), которые отвечали ряду признаков.

- 1) Слова разных корней: др.-рус. *переклюка* – рус. *перехитрила*; др.-рус. *рало* – бел. *саха*; др.-рус. *в городе семь* – укр. *в цьому місті*, а также этимологически родственные слова, которые стали различаться 2–3 фонемами: ст.-бел. *господар* – бел. *спадар*; ст.-бел. *рамесник* – рус. *ремесленник*, ст.-бел. *однакую (справедливість чинити)* – бел. *аднолькавую* – рус. *одинаковую* – укр. *однакову*; укр. *влада* – рус. *власть*;
- 2) сложное (двукорневое) слово vs слово с одним корнем: ст.-бел. *мужбойство* – рус. *убийство*; сложные слова с одним разным корнем: др.-рус. *благослови* – бел. *дабраславіў*;
- 3) дериват, который отличается от производящего слова как префиксом, так и суффиксом: ст.-бел. *вера (людми веры годными)* – рус. *доверие*; или различие усилено нерегулярным аффиксом: Вин. п. др.-рус. *тму* ‘тьму’ – укр. *пільму* – бел. *цемру*; или нулевой суффикс заменен ненулевым: др.-рус. *вои* – рус. *воины*; или при опасности омонимии: др.-рус. *губа* ‘губка’ – *губка* ‘то же’; др.-рус. *въ крестьянехъ* (‘у христиан’) – укр. *у християнь* ‘то же’;
- 4) дериват от связанной основы: ст.-бел. *звыкли* – бел. *абвыклі*; дериват с фонеморфологическими или другими историческими осложнениями, затемняющими родственные связи слов: др.-рус. *помяну* – рус. *вспомнил*; др.-рус. *дщерь* – укр. *дочка*; ст.-бел. *о неумыслном (мужбойстве)* – бел. *аб ненаўмысным (забойстве)*; др.-рус. *неколко* – укр. *кілька*; ст.-бел. *кого (зранила)* – укр. *(поранило) когось*; ст.-бел. *куля* – рус. *пуля*;
- 5) при переводе отдельного слова словосочетанием (др.-рус. *в Греки* – рус. *в Греческую землю*; ст.-бел. *мужатки* – бел. *замужнія жанчыны*) словосочетание рассматривается как одно дифференцирующее обозначение; таким образом, в подобных случаях регистрируется один факт различия;
- 6) при переводе воспроизводимых оборотов (прокси-фразем) словосочетанием, все разные знаменательные слова рассматриваются как дифференцирующие; таким образом, в укр. *взяти за дружину* в соответствии др.-рус. *поняти жене*

отмечалось два различающих слова; если в паре переводных соответствий слову одного языка соответствует фразема во втором языке, то фразема трактуется как одно обозначение: др.-рус. *от неприязни* – бел. *ад надкопаў д'ябла*; ст.-бел. *белая голова* – бел. *жанчына*;

- 7) юридические термины Статута воспроизводятся в эквивалентных текстах без изменений⁷ и, таким образом, не относятся к различающим словам: ст.-бел. *на горле (карати)* ('казнить') – рус. *на горле (наказывать)*; глаголы в данных эквивалентных оборотах отмечаются как дифференцирующие словоупотребления.

Поскольку исследуется именно лексика родственных языков, то грамматические различия при сопоставлении не учитывались. В частности, не отмечались различия в лексическом облике служебных слов, несмотря на их очевидное и существенное влияние на лексическо-семантическую дивергенцию (особенно это касается предлогов и подчинительных союзов); разные глагольные формы (инфинитив, спрягаемые формы, причастия, деепричастия, а также отглагольные субстантивы, называющие действия), рассматривались как словоупотребления одной лексемы; не отмечались различия в использовании личных и лично-указательных местоимений, поскольку частотность древнерусских клитик и местоимений *и, я, е* (*уклюну и в ногу, отпусти ю*) количественно затемнила бы лексические различия.

Следует заметить, что во многих случаях представленное в тексте переводное соответствие не является единственно возможным способом передать соответствующее понятие (представление). Слова, особенно прилагательные и глаголы, легко заменяют друг друга, и предпочтения здесь не всегда объяснимы, особенно для текстов, написанных несколько веков назад. В лексическом выборе фактор случайности в той или иной мере присутствует всегда, и базовой предпосылкой случайностей является сама вероятностная природа языка. Однако при сопоставлении лексики эквивалентных текстов слова каждого отдельного предложения (высказывания), стоящие в одной и той же синтаксической позиции, являются данностью.

1.6. Микрособытия и диалектика в истории дивергентно-конвергентных процессов

Модель истории языковых семей в виде родословного древа, разработанная в компаративистике XIX в., настолько влиятельна, что представления о том, что истории языков – это в основном дивергенция, до сих пор преобладают. Между тем история межъязыковых отношений состоит в непрерывном и подвижном переплетении процессов дивергенции и конвергенции языков в своих ареалах. Элементарное и самое частое (массовое) событие в истории лексики – появление нового слова (в результате деривации обозначения на

⁷ Слова и обороты, относящиеся к юридической терминологии «Статута», включены в алфавитный «Энциклапедычны даведнік» в издании (Шамякін (рэд.) 1989: 455–546).

основе “внутренних ресурсов” языка или в результате заимствования) – это факт, который в синхронии означает сдвиг во взаимоотношениях элементов внутри лексической (под)системы, а в диахронии – это событие микродивергенции или сразу двух микропроцессов – и конвергенции и дивергенции. Если новое слово образовано путем деривации внутри языка А, то в результате имеет место его микродивергенция по отношению к его родственным языкам. Если же новое слово появилось в языке А в результате заимствования из неродственного языка S, то в этом событии есть два диахронических следствия: 1) микродивергенция языка А по отношению к родственным языкам; 2) микроконвергенция языков А и S.

Так выглядит элементарное событие в процессах дивергенции-конвергенции. Варианты этой модели разнообразны. Например, собственный неологизм, образованный в языке А, был заимствован в некоторые родственные языки В, С, D, однако не был заимствован в другие родственные языки E, F, J; кроме того, это слово пришло также в некоторые неродственные языки R, S, T. В данной ситуации имеет место несколько событий: 1) микроконвергенция языков А, В, С и D; 2) микродивергенция названных языков по отношению к другим родственным языкам E, F, J; 3) микроконвергенция языков А, В, С, D etc по отношению к неродственным языкам R, S, T etc. Принимая во внимание массовость в лингвистической диахронии подобных микрособытий, можно заключить, что история лексики любого языка представляет собой дивергентно-конвергентный процесс.

2. Параметрическое зондирование лексической дивергенции восточнославянских языков по отношению к древнерусскому письменному языку Киевской Руси и по их отношению друг к другу

В Таблицах 1 и 2 на примере первого предложения из рассказа летописи о князе Святославе показана процедура лексического сопоставления эквивалентных текстов.

Таблица 1: Предложение (высказывание) из летописи и его три эквивалентных перевода.

Древнерусский	Русский	Белорусский	Украинский
Князю Святославу възрастѣшу и възмужавшю, нача воя съвокупляти многы и храбры.	Когда князь Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых.	Калі князь Святаслаў вырас і памужнеў, стаў ён збіраць шмат воінаў адважных.	Коли князь Святослав виріс і змужнів, він почав збирати багато воїнів хоробрих.

Ниже в Таблице 2 показаны состав и количество различающих словоупотреблений в каждой паре исследуемых языков.

Таблица 2: Пример выявления и подсчета различающих словоупотреблений по парам языков (в 4-х разноязычных версиях летописного высказывания, приведенного в Таблице 1).

Пары языков	Различающие словоупотребления	Количество различающих с/у в переводе
Др.-рус. vs русский	<i>възрастѣишю – вырос, нача – стал, съвокупляти – собирать, воя – воинов</i>	4
Др.-рус. vs белорусский	<i>възрастѣишю – вырас, нача – стаў, съвокупляти – збіраць, воя – воінаў, многы – шмат, храбры – адважных</i>	6
Др.-рус. vs украинский	<i>възрастѣишю – виріс, съвокупляти – збирати, многы – багато, воя – воїнів</i>	4

2.1. Объем лексических различий между текстом «Повести временных лет» и современными переводами летописи на русский, белорусский и украинский языки

Ниже в Таблице 3 представлены количественные результаты сопоставления лексики трех фрагментов из Начальной древнерусской летописи с их переводами на современные восточнославянские языки для выявления тех словоупотреблений (и их количества), которые отличают эквивалентные переводы от их первоисточника. Заглавие и длина фрагментов (в с/у) читаются в шапке таблицы.

Таблица 3: Количество словоупотреблений, отличающих переводы трех фрагментов из ПВЛ на современные восточнославянские языки от исходного древнерусского текста.

Три фрагмента из ПВЛ на древнерусском	I. О предсказании князю Олегу смерти от коня (249 с/у (ПВЛ: 52, 54).	II. О крещении княгини Ольги (335 с/у) (ПВЛ: 74, 76).	III. О князе Святославе (189 с/у (ПВЛ: 78, 80).	Средний процент различающих с/у
Переводы на современные языки	Количество (и процент) словоупотреблений, отличающих перевод от соответствующего фрагмента древнерусской летописи			
Русский перевод Д.С. Лихачева	из 256 с/у дифференцирующих с/у – 44 (17,2 %)	из 340 с/у дифференцирующих с/у – 35 (10,3 %)	из 197 с/у дифференцирующих с/у – 27 (13,7 %)	14,7 %
Белорусский перевод	из 257 с/у дифференцирующих с/у – 56 (21,8 %)	из 344 с/у дифференцирующих с/у – 80 (23,25 %)	из 198 с/у дифференцирующих с/у – 38 (19,2 %)	21,4 %
Украинский перевод	из 256 с/у дифференцирующих с/у – 58 (22,6 %)	из 341 с/у дифференцирующих с/у – 72 (21,1 %)	из 196 с/у дифференцирующих с/у – 44 (22,4 %)	22,4 %

Переводы фрагментов на современные языки, как правило, на 2-3 с/у длиннее древнерусского текста. В правом столбце показан средний процент дифференцирующих с/у для переводов на каждый из трех языков.

Из трех переводов ближе всех к древнерусскому первоисточнику русский перевод; за ним следует белорусский; затем, с минимальным отрывом от белорусского, – украинский. Разный процент дифференцирующих словоупотреблений в эквивалентных переводах говорит о различиях в силе дивергентных процессов: современный русский язык отделился от древнерусского в меньшей мере, чем белорусский и особенно украинский. Сила дивергенции языка по отношению к его предшествующему состоянию определяется прежде всего контактами с другими языками (т. е. факторами конвергенции с ними) – составом контактирующих языков, социолингвистическими условиями и характеристиками контактов, их продолжительностью и интенсивностью.

Возвращаясь к параметрам различий, необходимо отметить, что ни одно из различий между средними показателями не достигает квадратичного отклонения в 5 пунктов – того порога неслучайности расхождений, который в математической статистике отделяет несущественные колебания (что называется, “в пределах статистической погрешности”) от статистически значимых различий.⁸ Тем не менее, хотя выявленное различие не велико, однако оно реально и эмпирически очевидно.

Квадратичное отклонение позволяет с помощью одного цифрового показателя ранжировать переводы по силе (проценту) выявленных отличий от исходного древнерусского текста (см. Таблицу 4), а также сопоставлять группы переводов на тех же языках, но восходящих к другому первоисточнику – Статуту ВКЛ (см. Таблицу 9).

Таблица 4: Квадратичные отклонения между современными восточнославянскими переводами фрагментов из летописи ПВЛ по количеству словоупотреблений, отличающих переводы от древнерусского первоисточника.

Пары современных переводов с древнерусского	Проценты дифференцирующих словоупотреблений в современных переводах ПВЛ	Квадратичное отклонение
бел. vs укр.	21,5 и 22,4 %	0,4
бел. vs рус.	21,5 и 14,7 %	1,8
укр. vs рус.	22,4 и 14,7 %	1,9

⁸ Квадратичное отклонение (называемое также “среднее квадратичное отклонение”, или “стандартное отклонение”) вычисляется как корень квадратный из среднего арифметического квадратов разностей между каждой сравниваемой величиной и средним значением для сравниваемых величин (Прохоров (ред.) 1995: 262, 559).

2.1.1. Церковнославянизмы древнерусского и русского нарратива о крещении княгини Ольги

В представленной картине, в общем достаточно предсказуемой для слависта, обращает на себя внимание столбец с данными по переводам рассказа о крещении Ольги: во-первых, для его русской версии характерна максимальная близость к древнерусскому первоисточнику (по сравнению с переводами фрагментов о Олеге и о Святославе); во-вторых, белорусский перевод рассказа о крещении Ольги характеризуется максимальной отдаленностью от древнерусского первоисточника и его русского перевода: если в русском переводе дифференцирующие с/у составляют 13,3 %, то в белорусском – 23,25 %. Квадратичное отклонение в данной паре составляет 4,98 пункта, т. е. практически достигает порога статистической релевантности.

Отмеченные параметрические особенности русского и белорусского переводов в существенной мере обусловлены содержанием и лексикой древнерусского первоисточника. Повествуя о крещении Ольги, цитируя наставления патриарха и беспокойство Ольги о жизни в Киеве среди язычников, летописец естественным образом использует церковнославянизмы, а русский язык также органично веками сохраняет эту лексику. Иное дело украинский и особенно белорусский языки: в них часть древнерусских церковнославянизмов были вытеснены словами других корней или праславянских корней в восточнославянской огласовке. В Таблице 5 можно видеть количественное соотношение маркированных церковнославянизмов (лексем) в русском, украинском и белорусских переводах: пропорция 8: 3: 1.

Таблица 5: Маркированные церковнославянизмы в современных восточнославянских переводах летописного рассказа о крещении княгини Ольги.

	Древнерусский	Из русского	Из украинского	Из белорусского
1	(добру) лицемъ	лицом	обличчям	тварам
2	благословена, благословити, благословенье (10 с/у)	благословенна (они) благословят благословение	благословенна (вони) благословлять благословенне	блаславёная дабраславяць дабраславеньне
3	разумѣвши	поразмыслив	помирковавши	паразважаўшы
4	о въздержаньи	о соблюдении	про дотримання	аб захаванні
5	схранена	сохранена	збережена	захавана
6	владыка	владыка	владико	уладар
7	чадо вѣрное	чадо верное	чадо вірне	дзіця вернае
8	в Христа облечеса	в Христа облеклась	в Христа зодягнулася	у Хрыста апанулася

Однако различия в пропорции и составе церковнославянизмов между русским, белорусским и украинским переводами рассказа о крещении Ольги, очевидные в приведенных параллелях, не могут быть экстраполированы на всю картину церковнославянского лексического наследия в трех языках без более строго определения понятия “церковнославянизм” и, главное, без дополнительных зондирующих исследований.

Легко видеть, что церковнославянская маркированность русского перевода обусловлена прежде всего тематически. Однако и в нейтральной стилистически и тематически русской лексике немало церковнославянизмов, которым в белорусском и украинском языках соответствуют лексемы без южнославянских примет.⁹ Из всех языков Slavia Orthodoxa, включая южнославянские, русский язык более всех испытал влияние церковнославянского языка и в наибольшей мере наследует его стилистические традиции. Весомость в русском языке церковнославянского элемента объясняется причинами идеологическими и политическими. Начиная с первой половины XVI в. Московская Русь позиционировала себя как Третий Рим и истинная хранительница православия. Как писал Н.С. Трубецкой, «церковнославянская литературно-языковая традиция утвердилась и развилась в России не столько потому, что была *славянской*, сколько потому, что была *церковной*» (Трубецкой 1929/1990: 132–34).

2.2. Объем лексических различий между русским, белорусским и украинским языками (на материале современных переводов фрагментов из «Повести временных лет», но безотносительно к древнерусскому первоисточнику)

Наличие эквивалентных переводов трех летописных фрагментов на современные восточнославянские языки создает возможность для еще одного ракурса в изучении дивергентно-конвергентных процессов в истории языков – исследовать, в каком направлении и в какой мере изменилась лексическая близость восточнославянских языков за те века, которые отделяют древнерусский язык ПВЛ от современных языков. Наиболее естественный способ такого рассмотрения для трех языков – это попарное сопоставление эквивалентных текстов и подсчет количества лексических различий для каждой пары с отнесением числа расхождений к средней (среднеарифметической) длине текста для каждой пары текстов.

Результаты попарного сопоставления языков представлены в Таблице 6. Средняя длина двух переводов (в с/у) в каждой паре определялась по тем данным о количестве с/у в каждом переводе, которые содержатся в Таблице 3.

⁹ Ср. несколько русско-белорусских пар: *время* – *час*, *бремя* – *цяжар*, *гражданин* – *грамадзянін*, *пламя* – *полюмя*, *плен* – *палон*, *преграда* – *перашкода*, *сладкий* – *салодкі*, *страна* – *краіна*, *исчерпать* – *вычарпаць*, *лицо* – *твар / асоба*, *преступление* – *злачынства*, *учитель* – *настаўнік*, *хранить* – *захоўваць* и др.

Таблица 6: Количество (и процент) словоупотреблений, различающих между собой эквивалентные восточнославянские переводы трех фрагментов из ПВЛ.

Пары современных переводов	Фрагменты из ПВЛ, к которым восходят сопоставляемые переводы			Средний процент дифференцирующих с/у
	I. О предсказании князю Олегу смерти от коня	II. О крещении княгини Ольги	III. О князе Святославе	
Белорусский vs Украинский	22 (8,6 %)	42 (12,3 %)	21 (10,6 %)	10,5 %
Украинский vs Русский	33 (13,4 %)	22 (9,7 %)	22 (11,2 %)	11,4 %
Белорусский vs Русский	33 (12,8 %)	42 (12,3 %)	21 (10,7 %)	11,9 %

Судя по Таблице 6, лексически наиболее близки друг другу белорусский и украинский; затем, с заметным отрывом, – украинский и русский; несколько больше лексическое расстояние между белорусским и русским.

Новые данные, важные для понимания дивергенции родственных языков, связаны с параметрическим зондированием лексической близости Статута ВКЛ и его переводов на современные восточнославянские языки.

3. Параметрическое зондирование лексической дивергенции восточнославянских языков по отношению к письменному языку Великого княжества Литовского и по их отношению друг к другу

3.0. Языковой материал раздела 3

Три статьи Статута были представлены в разделе 1.3. Здесь же, в дополнение к сказанному о материале исследования, в нумерованной таблице приведены четыре языковые версии статьи «О наказании сводней». В оригинале разделение на абзацы отсутствует.

<p>Старобелорусский / Староукраинский</p>	<p>Современный белорусский</p>	<p>Современный украинский</p>	<p>Современный русский</p>
<p>Артыкул 31. О каранью зводниц [128 с/у] Уставуем, хотячи то мети вечными часы, ижбы подданные нашы под <i>росказаньем</i> нашим мешкаючи, учтивие жили, зысково спросены богу и людем почтивым обряддлых не наследовали. Прото абы такие люди, будь мужчизна або <i>белая голова</i> в местех наших не были терпены, которые звыкли для зыску своего спросного намовляти панны або вдовы и мужатки кому <i>зволн</i> для спросности телесное, так иж хотя бы с которое могло быть што оборото в стане малженском, оборачаются за намовами зводниц, <i>внивеч</i> в спросное а <i>вшепечное</i> помешканье. Для того росказуем воеводам, старостам и уряду местдому [sic!], абы таких за оказаньем явным имати казали и карали обрезаем нос, ушу и губы и з мест выганяли. А где бы ся и по таком каранью тым же спросным зыском жывили тогда <i>вряд</i> таких <i>на горле</i> карати маеть.</p>	<p>Артыкул 31. Аб пакаранню зводниц [127с/у] Устанаўліваем, жадаючы гэта мець на вечныя часы, каб падданыя нашыя, пад уладай нашай пражаваючы, сумленна жылі, даходаў распусных, агідных Богу і людзям добрапрыстойным, не шукалі. Для таго, каб такіх людзей, будзь гэта мужчына ці жанчына, у гарадах нашых не трываць, якія абвыклі для свайго прыбытку распуснага падгаворваць дзвўчын або ўдоў і замужніх жанчын да распуснасьці цялеснай, так што, хоць бы з якой з іх магло быць нешта добрапрыстойнае ў стане шлюбным, ператвараюцца падгаворамі зводняў, зусім у непрыстойнае і распуснае станавіцца. Таму загадваем ваяводам, старостам і ўладзе гарадской, каб такіх, па выяўленні вдалочнаму, браць загадвалі і каралі адразаннем носа, вушэй і вуснаў і выганялі з гарадоў. А калі б і пасля такога пакарання тым жа непрыстойным даходам жылі, тады ўлада такіх <i>на горле</i> караць мас.</p>	<p>Стаття 31. Про пока-рання зведень [127 с/у] Встановлюємо, бажано чи це мати на вічні часи, щоб піддані наші, які мешкають під владою нашою, жили шанобливо [sic!] і не шукали огидної користи, бридкої Богови та чесним людям. Тому повинні бути нетерпимі в містах наших такі люди, які чи то чоловік чи жінка, які звикли для безчесного свого прибутку підмовляти дівчат чи вдов і заміжніх жінок до розпусти тілесної, так що хоча б з якою з них могло бути щось добропорядне в стані шлюбному, зовсім підмовами зведень, зовсім у непристойне і розпусне становище. Тому наказуємо воеводам, старостам і міській владі, щоб таких, за виявленням явного, брати наказували і карали відразанням носа, вух і губ і виганяли з міст. А якби й після такого покарання тим самим непристойним доходом жили, тоді влада таких <i>на горле</i> карати повинна.</p>	<p>Статья 31. О наказании сводней [127 с/у] Устанавливаем, желая это иметь на вечные времена, чтобы подданные наши, живя под властью нашей, жили честно и не искали непристойных доходов, противных Богу и честным людям. Поэтому должны быть нетерпимы в городах наших такие люди, будь то мужчина или женщина, которые привыкли ради бесчестной своей прибыли подговаривать девиц или вдов и замужних женщин к распутству телесному, так что, хотя бы с которой из них могло быть что-то добропорядочное в состоянии брачном, превращаются подговорами сводней совершенно в непристойное и распутное состояние. Поэтому приказываем воеводам, старостам и власти городской, чтобы таких людей, после обнаружения явного, брать велели и карали отрезанием носа, ушей и губ и изгоняли из городов. А если бы и после такого наказания тем же непристойным доходом жили, тогда власть таких <i>на горле</i> наказывать должна.</p>

3.1. Лексические различия между старобелорусским языком «Статута Великого княжества Литовского» и переводами статей Статута на современные восточнославянские языки

В Таблице 7 для трех переводов трех статей Статута показано количество (и проценты) дифференцирующих словоупотреблений в каждом переводе по отношению к первоисточнику статьи. В правом столбце показан средний процент различительных с/у по трем статьям для каждого языка; в нижней строке – средний процент различительных с/у для каждой статьи по трем языкам.

Таблица 7: Количество (и процент) словоупотреблений, отличающих современные восточнославянские переводы статей Статута от их старобелорусских первоисточников.

Языки переводов	Названия статей (в сокращении). Длина статьи в оригинале (количество с/у)			Средний для одного языка по трем статьям процент различающих с/у
	Клятва князю (177 с/у)	О случайном убийстве (178 с/у)	О наказании сводней (128 с/у)	
	Количество словоупотреблений, отличающих лексику переводов от старобелорусской лексики оригинала (в скобках указан процент дифференцирующих с/у от количества с/у в данной языковой версии статьи)			
Украинский	47 (25,7 %) от 183 с/у перевода	43 (24,7 %) от 174 с/у перевода статьи	41 (32,0 %) от 128 с/у перевода статьи	27,4 %
Белорусский	53 (29,6 %) от 179 с/у перевода	47 (25,7 %) от 183 с/у перевода статьи	44 (34,6 %) от 127 с/у перевода статьи	30,0 %
Русский	59 (32,2 %) от 183 с/у перевода с	47 (26,1 %) от 180 с/у перевода статьи	52 (40,6 %) от 128 с/у перевода статьи	33,0 %
Средний для одной статьи на трех языках процент различающих с/у	29,1 %	25,5 %	35,7 %	

Ниже, в Таблице 8, итоговые (средние) цифры Таблицы 7 (по Статуту) сопоставлены с итоговыми цифрами Таблицы 3 (по летописи).

Таблица 8: Средние проценты словоупотреблений, отличающих две группы современных восточнославянских переводов от их первоисточников – ПВЛ и Статута ВКЛ.

Современные переводы фрагментов памятников на языки	Процент словоупотреблений, отличающих современные переводы от своих первоисточников	
	Три фрагмента из ПВЛ на древнерусском языке (нач. XII в.)	Три статьи из Статута ВКЛ на старобелорусском языке (1588)
Украинский	22,4 %	27,4 %
Белорусский	21,5 %	30,0 %
Русский	14,7 %	33,0 %

Степень близости современных восточнославянских языков по отношению к языку исследуемых памятников ожидаемо различна. Близость к древнерусскому языку летописи уменьшается в таком направлении: русский, белорусский, украинский; по отношению к языку Статута: украинский, белорусский, русский. Признак «близость к языку памятника» в обоих случаях имеет не ретроспективный, но проспективный смысл: приведенные в таблице проценты говорят не о степени лексической близости языка памятника в годы его создания к тому или иному восточнославянскому языку, но о объеме лексических изменений, прошедших в каждом языке за те века, которые разделяет время создания памятника и наше время. Все рассмотренные восточнославянские переводы лексически ближе к древнерусскому языку ПВЛ (начало XII в.), чем к более позднему (т. е. более близкому по времени) памятнику старобелорусского языка – Статуту ВКЛ (конец XVI в.). Эта почти парадоксальная асимметрия вектора времени и вектора уменьшения лексической близости объясняется рядом причин.

Дело в том, что в одной таблице на самом деле представлены языки с достаточно разными генеалогическими и ареальными связями. По отношению к древнерусскому письменному языку Киевской Руси три современных восточнославянских языка – это его потомки и наследники. Естественно, что постепенно в них накапливались отличия от древнерусского, однако в разной мере: дивергенция русского языка была существенно меньшей, чем украинского и белорусского. Различия в силе дивергенции объясняются различиями в истории, географии и интенсивности языковых контактов: влияние финноугорских и тюркских языков на русский язык Московской Руси было слабее, чем влияние польского, литовского, немецкого, словацкого, чешского, венгерского, молдавского языков на украинский и белорусский языки.

Что касается языка Статута, то его связи с восточнославянскими языками были существенно различны. Для украинцев и белорусов в XVI-XVII вв. язык Статута был актуальным языком их письменного общения в своем государстве. В последующей истории белорусский и украинский языки продолжали или, по меньшей мере, хранили, может быть, под спудом, языковые традиции Статута.

Совсем иные взаимоотношения между языком Статута и русским языком: их генеалогическое (восточнославянское) родство не является прямым; русский язык не был ни потомком, ни наследником, ни хранителем языка Статута; это был язык другого народа и государства. Статут ВКЛ написан на том восточнославянском языке XVI в., в котором запечатлен, может быть, пик дивергенции письменного украинско-белорусского и русского языков.

Однако, как показано в Таблице 8, в истории не только русского, но также белорусского и украинского языков объем лексических расхождений за 8 веков (от XII до XX включительно) оказался меньше, чем за последние 4 века (от XVI до XX включительно). Очевидно, что скорость (или интенсивность) дивергенции языков возросла. Это объясняется содержанием исследуемых памятников, глубоко различных по своему назначению и жанру. Начальная летопись Киевской Руси эпична и величава, и при этом скупа на подробности. В ее языке высок удельный вес общеславянской, церковнославянской и глубоко укоренной древнерусской лексики. Между тем лексика Статута более разнообразна и носит отчасти более специальный (юридический) характер; она служит детализации жизненных обстоятельств и дифференциации правовых отношений. В лексике Статута много новых слов более позднего и потому разного происхождения и облика. Однако, при всей значительности лексических различий между современными переводами ПВЛ и Статута, неизменной остается большая взаимная близость белорусского и украинского переводов, чем близость каждого из них к русским переводам.

Ниже, в Таблице 9, итоговый (средний) процент различительных словоупотреблений в переводах со старобелорусского на современные восточнославянские языки (Таблица 8) сопоставлен с аналогичными показателями по Начальной летописи – с процентом дифференцирующих словоупотреблений в переводах с древнерусского на современные языки (Таблица 3). Приводятся также показатели квадратичного отклонения по двум группам измерений.

Таблица 9: Сопоставление количества словоупотреблений, отличающих современные восточнославянские переводы от прототипических фрагментов в древнерусской летописи (начало XII в.) и от статей Статута на старобелорусском языке (1588).

Современные переводы на языки	Процент словоупотреблений, отличающих современные восточнославянские переводы от первоисточников		Квадратичное отклонение
	от фрагментов из ПВЛ на древнерусском языке	от статей из Статута ВКЛ на старобелорусском языке	
Белорусский	21,5	30,0	1,3
Украинский	21,4	27,4	1,5
Русский	14,7	33,0	2,8

Если принять во внимание, что масса лексических отличий переводов от древнерусской летописи сформировалась за последние 8 веков, однако еще большая масса отличий переводов от Статута накопилась за последние 4 века, то естественно заключить, что лексическая дивергенция нарастает.

3.1.1. Полонизмы в старобелорусской статье «О каранью зводниц»

По Таблице 7, где для каждого перевода каждой из трех статей Статута указан процент различающих словоупотреблений, можно видеть, что переводы одной из статей («О наказании сводней») заметно отличаются от переводов двух других статей по количеству различающих словоупотреблений. Ниже, в Таблице 10, приводится последняя строка из Таблицы 7, которая подводит количественный итог этим различиям.

Таблица 10: Средний процент словоупотреблений, отличающих восточнославянские переводы трех статей Статута от их старобелорусского первоисточника.

Клятва законодателей (177 с/у)	О случайном убийстве (178 с/у)	О наказании сводней (128 с/у)
29,1 %	25,5 %	35,7 %

О весомости различий говорят пункты квадратичных отклонений между процентными показателями: 1) в паре «О наказании сводней» vs «Клятва законодателей» оно составляет 3,3; 2) в паре «О наказании сводней» vs «О случайном убийстве» – 5,1.

Во всех переводах статей Статута в составе дифференцирующих словоупотреблений встречаются замены полонизмов старобелорусского текста современными лексическими соответствиями, но особенно густо полонизмы употребляются в статье «О каранью зводниц». Ср. ее начало:¹⁰ «Уставуем, хотячи то мети вечными часы, ижбы подданные наши под росказаньем¹ нашим мешкаючи², учтивев³ жили, зысков⁴ спросных⁵ богу и людем почтивым⁶ обрыдлых⁷ не наследовали⁸» (Статут: 345). Лексический комментарий: ¹росказанье – ‘повеление, распоряжение’ от *rozkażać* – ‘приказать, распорядиться, повелеть’; ²мешкати – *mieszkać* ‘жить, находиться’; ³учтивев – *uczciwiewie* ‘честно’; ⁴зыск – *zysk* ‘прибыль, барыш, доход, выгода’; ⁵спросны – ‘непристойный, распущенный, скабрёзный’; ⁶почтивы – *poczciwy* ‘честный, порядочный, добропорядочный’; ⁷обрыдлы – *obrzydliwy* ‘гадкий, мерзкий, отвратительный’; ⁸наследовати – *naśladować* ‘подражать, брать пример, следовать (кому-л., чему-л.)’. Обратившись к полному тексту статьи (см. раздел 3.0), можно видеть не только другие полонизмы, но и повторы некоторых из приведенных слов: прилагательное *спросны* (и производный субстантив *спросность*) употреблено 5 раз, *зыск* – 3 раза, *росказанье* – дважды.

¹⁰ В цитате полонизмы помечены цифрами; в лексическом комментарии к цитате под соответствующей цифрой приводятся польские лексемы.

Приведенные факты объясняют насыщенность полонизмами старобелорусского текста статьи «О каранью зводниц» и высокий процент лексических замен в ее переводах. Внимание к семантике полонизмов позволяет увидеть также и причины их востребованности в статье о своднях: старобелорусский язык нуждался в словах, называющих морально-психологические качества, действия и оценки людей в повседневной жизни, и создатели Статута находили эту лексику в польском языке.

Следует подчеркнуть, что полонизмы Статута отнюдь не были окказиональными *ad hoc*. В старобелорусском языке они употреблялись вполне узואльно и продолжительное время. Большинство приведенных выше полонизмов имеются в словаре А.Н. Булыки «Даўня запазычанні беларускай мовы» (Булыка 1972), в том числе в памятниках белорусского языка, связанных с разными периодами в истории средневековой Беларуси.

3.2. Объемы лексических различий между белорусским, украинским и русским языками (на материале современных переводов статей Статута, но не по отношению к первоисточнику)

В данном разделе современные восточнославянские переводы трех статей Статута рассмотрены попарно чтобы определить количество лексических различий для каждой пары переводов. Подсчитанное число расхождений в парах было отнесено к средней (среднеарифметической) длине переводов в каждой паре. Цифровые результаты проведенного сопоставления представлены в Таблице 11.

Таблица 11: Количество (и процент) словоупотреблений, отличающих друг от друга современные переводы трех статей Статута на восточнославянские языки.

Пары переводов на современные языки	Названия статей (в сокращении). Длина статьи в оригинале (количество с/у)			Средний процент дифференцирующих с/у по переводам 3 статей
	Клятва законодателей князю (177 с/у)	О случайном убийстве (178 с/у)	О наказании сводней (128 с/у)	
Белорусский vs Украинский	32 (17,7 %) от среднего числа с/у по двум переводам 179 и 183	34 (19,0 %) от среднего числа с/у по двум переводам 183 и 174	30 (23,4 %) от среднего числа с/у по двум переводам 127 и 128	20,0 %
Украинский vs Русский	28 (15,3 %) от равного в обеих версиях числа с/у 183	43 (24,3 %) от среднего числа с/у по двум переводам 174 и 180	39 (30,5 %) от 128 с/у (длина каждого из двух переводов)	23,4 %
Белорусский vs Русский	45 (24,8 %) от среднего числа с/у по двум переводам 179 и 183	40 (22,0 %) от среднего числа с/у по двум переводам 183 и 180	31 (24,3 %) от среднего числа с/у по двум переводам 127 и 128	23,7 %

Судя по данным Таблицы 11, лексически наиболее близки друг к другу белорусский и украинский языки; между парами «украинский и русский» и «белорусский и русский» цифровые различия не выходят за границы статистических колебаний в измерениях.

Интересно, далее, сопоставить силу различий в парах современных восточнославянских переводов с древнерусского (фрагментов ПВЛ XII в.) и в парах переводов на эти же языки статей Статута ВКЛ 1588 г. со старобелорусского. Цифровые результаты сравнения даны в Таблице 12; она опирается на показатели Таблиц 6 и 11.

Таблица 12: Средние проценты словоупотреблений, которые различают современные восточнославянские переводы из двух памятников, разделенных по времени 4 веками.

Пары переводов на современные языки	Средние проценты дифференцирующих словоупотреблений в современных переводах по отношению друг к другу (к современным переводам).	
	Три перевода фрагментов из ПВЛ на др.-рус. языке (XII в.)	Переводы трех статей на ст.-бел. языке из Статута ВКЛ (1588)
Белорусский vs Украинский	10,5 %	20,0 %
Белорусский vs Русский	11,9 %	23,7 %
Украинский vs Русский	11,4 %	23,4 %

Современные восточнославянские переводы древнерусских летописных фрагментов XII в. оказываются ближе друг к другу, чем современные переводы на эти же языки статей из Статута на старобелорусском языке XVI в. Эквивалентные переводы наследуют лексическое разнообразие своих первоисточников. Фрагментарное зондирование текстов способно выявить основные типы лексических сходств и различий, а также пограничные и маргинальные факты.

4. Результаты и перспективы параметрического зондирования в истории лексики

К наиболее значимым результатам исследования можно отнести следующие выводы.

1. Современные эквивалентные восточнославянские переводы фрагментов ПВЛ лексически ближе к своим первоисточникам XII в., чем аналогичные переводы статей Статута по отношению к первоисточникам 1588 г. Для лексики современных восточнославянских переводов древнерусской летописи также характерна большая взаимная близость (по парам языков), чем для лексики современных переводов статей Статута.
2. Различия в отношениях между летописью и ее переводами по сравнению с взаимоотношениями между Статутом и переводами его статей, а также между

эквивалентными переводами фрагментов памятников, отдаленных друг от друга 4-мя веками, говорят о том, что в истории языков идет углубление дивергенции, обусловленное всё более широкими и разнообразными потребностями коммуникации и познания.

3. Исследование показало высокую зависимость между лексическим своеобразием эквивалентных текстов, включая происхождение групп слов, и их тематикой (насыщенность церковнославянизмами летописного рассказа о крещении княгини Ольги; обилие полонизмов с морально-психологической семантикой в статье Статута против сводничества).
4. Лексическое сходство между парами восточнославянских языков характеризуется следующим образом: во всех измерениях наиболее близки друг другу белорусский и украинский языки; от них значительно отстоят пары «белорусский – русский» и «украинский – русский», при этом две последние пары языков нередко меняются местами и белорусский чаще занимает срединное место.
5. Высокая зависимость между лексическим своеобразием исходных фрагментов текстов и их тематикой позволяет, с одной стороны, уменьшить среднюю длину исходных фрагментов (примерно до 100 словоупотреблений), но, с другой стороны, побуждает исследовать большее число фрагментов и их переводов, чем это имело место в представленной работе. Можно думать, что исследование лексики языков, в большей мере различных между собой (чем восточнославянские), сделает зондирующее исследование более результативным.
6. Параметрическое зондирование лексики наиболее результативно, по - видимому, при изучении состава, количества и хронологии появления в языках заимствований, т. е. следствий языковых контактов, которые представляют собой самый действенный фактор изменений в структуре языков (см. Мечковская 2016: 151–52).

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИССЛЕДУЕМЫХ ПАМЯТНИКОВ

ПВЛ – Повесть временных лет. Подготовка текста О.В. Творогова, перевод Д.С. Лихачева. Сост. и общая ред. Д.С. Лихачева, 1978: *Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века*. Москва: 23–278.

[PVL – Povest' vremennyh let / Podgotovka teksta O.V. Tvorogova, perevod D.S. Lihačeva. Sost. i obshhaja red. D.S. Lihačeva, 1978: *Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. Načalo russskoj literatury. XI – načalo XII veka*. Moskva: 23–278.]

Статут – Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Галоўны рэдактар І.П. Шамякін, 1989: *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*. Мінск: 39–454.

[Statut – Statut Vjalikaga knjastva Litoŭskaga 1588. Galoŭny rjedaktar I.P. Šamjakin, 1989: *Statut Vjalikaga knjastva Litoŭskaga 1588. Tjeksty. Davednik. Kamentaryi*. Minsk: 39–454.]

ЛИТЕРАТУРА

- Аляксандр М. Булька, 1972: *Даўнія запазычанні беларускай мовы*. Мінск.
[Aljaksandr M. BULYKA, 1972: *Daўnija zarazyčanni belaruskaj movy*. Minsk.]
- Игорь А. Гиниатуллин, Николай А. Пирогов, 2010: *Немецко-русский и русско-немецкий словарь для школьников и студентов. Страноведение. Лексика. Грамматика*. Москва.
- [Igor' A. GINIATULLIN, Nikolaj A. PIROGOV, 2010: *Nemecko-russkij i rusško-nemeckij slovar' dlja škol'nikov i studentov*. Stranovedenie. Leksika. Grammatika. Moskva.]
- Нина Б. Мечковская, 2016: *История языка и история коммуникации*. Москва.
- [Nina B. MEČKOVSKAJA, 2016: *Istorija jazyka i istorija komunikacii*. Moskva.]
- Нина Б. Мечковская, 2020: Пуризм vs либерализм в лингвистической идеологии и языковой практике. *Pogled v jezik in iz jezika. Adi Vidovič Muha ob jubileju*. Ur. Mira Krajnc Ivič, Andreja Žele. Maribor, Bielsko-Biała, Budapest, Kansas, Praha. 213–30.
- [Nina B. MEČKOVSKAJA, 2020: Purizm vs liberalizm v lingvističeskoj ideologiji i jazykovoj praktike. *Pogled v jezik in iz jezika. Adi Vidovič Muha ob jubileju*. Ur. Mira Krajnc Ivič, Andreja Žele. Maribor, Bielsko-Biała, Budapest, Kansas, Praha. 213–30.]
- Юрий В. ПРОХОРОВ (ред.). 1995: *Математический энциклопедический словарь*. Москва.
- [Jurij V. PROHOROV (red.). 1995: *Matematičeskij jenciklopedičeskij slovar'*. Moskva.]
- ССРЛЯ: *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 1– 17. 1950–1965. Москва, Ленинград.
- [SSRLJa: *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*. Т. 1– 17. 1950–1965. Moskva, Leningrad.]
- Николай С. ТРУБЕЦКОЙ 1990 [1927]: Общеславянский элемент в русской культуре. *Вопросы языкознания* 2: 123–39; 3: 114–34.
- [Nikolaj S. TRUBECKOJ 1990 [1927]: Obščeslavjanskij jelement v rusškoj kul'ture. *Voprosy jazykoznanija* 2: 123–39; 3: 114–34.]
- Иван П. ШАМЯКИН (ред.). 1989: *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*. Мінск.
- [Ivan P. ŠAMJAKIN (rjed.). 1989: *Statut Vjalikaga knjastva Litoŭskaga 1588. Tjeksty. Davednik. Kamentaryi*. Minsk.]
- Энцыклапедычны даведнік. 1989: Иван П. ШАМЯКИН (ред.). *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*. Мінск: 455–546.
- [Jencyklapedychny davednik. 1989: Ivan P. ŠAMJAKIN (rjed.). *Statut Vjalikaga knjastva Litoŭskaga 1588. Tjeksty. Davednik. Kamentaryi*. Minsk: 455–546.]

POVZETEK

V članku primerjamo tri fragmente iz kijevske kronike *Povest minulih let* (staroruski jezik, z začetka 12. st.) in tri člene iz Statuta Velike Litovske kneževine (starobeloruski/staroukrajinski jezik; tiskana izdaja 1588 v Vilni) z njihovimi prevodi v sodobne vzhodnoslovanske jezike, da bi količinsko opredelili stopnjo leksikalne divergence vzhodnoslovanskih jezikov.

Medsebojna primerjava vključuje tudi sodobne vzhodnoslovanske prevode fragmentov iz obeh spomenikov. Pokazalo se je, da se razhajanje med sorodnimi jeziki povečuje, zato so zlasti vzhodnoslovanski prevodi fragmentov kronike leksikalno bližje svojim primarnim virom iz 12. stoletja kot podobni prevodi členov Statuta glede na primarne vire iz leta 1588. Od treh jezikov sta si leksikalno najbližja beloruščina in ukrajinščina; bistveno manjša bližina je značilna za jezike v parih beloruščina – ruščina in ukrajinščina – ruščina. Raziskava je pokazala visoko odvisnost med leksikalno izvirnostjo enakovrednih besedil, vključno z izvorom besed, ki tvorijo paradigmatске sklope leksemov na eni strani, in tematiko tekstov na drugi strani (nasičenost s cerkvenoslovanizmi v kroniški zgodbi o krstu kneginje Olge; obilica polonizmov z moralnimi in psihološkimi pomeni v članku Zakona proti ponižništvu).